

Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в.

Аннотация: Статья рассматривает образ Гуджаратского султаната, одного из богатейших государств Южной Азии в позднее Средневековье, в труде венецианского купца Чезаре Федеричи (1587). Исследование выполнено в русле историко-антропологического подхода. Описание Гуджарата Федеричи сравнивается с сообщениями о нем Никколо деи Конти и Томе Пиреша. Рассказ о султанате (Камбейском королевстве, Regno di Cambaia) был помещен в главу «Гоа, Диу и Камбайя» и включал описания двух городов, столичного Ахмадабада (Amadauar), который путешественник сравнивал с Каиром, и гигантского порта Камбея (Cambaiette), сообщения о товарах, приходивших в порт и вывозившихся из него, о преуспевающих купцах-посредниках, пользовавшихся огромной властью. Купец видел обилие в Камбее опиума, в торговле которым он сам участвовал. Купец, побывавший в султанате во время голода, также отмечал резкий контраст между богатством торговли, ведущейся в государстве, и ужасающей нищетой, в которую погрузились бедные его жители, вынужденные продавать своих детей в рабство португальцам. В рассказе присутствовал элемент историописания: Федеричи бегло поведал о гибели последнего «законного» государя Гуджаратского султаната Бахадур-шаха (Sultan Badu), последовавших за ним усобицах между «тиранами» и в итоге о завоевании Гуджарата Великим Моголом Акбаром. Причины упадка могущественного некогда государства венецианский купец видел в узурпации власти и политической раздробленности. В описании султаната у Федеричи в ряде мест прослеживается влияние португальского ориенталистского нарратива.

В целом, Федеричи видел в «Камбейском королевстве» одно из богатейших государств Индии, главный порт которого даже в пору смуты и голода оставался важным центром торговли и ремесла; также купец довольно точно описал ситуацию распада султаната (Библиогр. 21 назв.).

Ключевые слова: Чезаре Федеричи, Гуджаратский султанат, Великие Моголы, торговля пряностями, Венецианская республика, ориентализм, путешествия раннего Нового времени

Dmitry V. Vozchikov
Ural Federal University

Gujarat Sultanate in Cesare Federici's Account

Summary: The article deals with the imagery of the Gujarat Sultanate, one of the wealthiest states in late Medieval India, in a travelogue, written by the Venetian merchant Cesare Federici (1587). The current research is based on historical-anthropological approach. The author compares Federici's description of Gujarat to the ones left by Niccolò de' Conti and Tomé Pires. Federici's account about Gujarat (Kingdom of Cambaia, Regno di Cambaia) was put in a chapter under the title "Goa, Diu and Cambaia" and included description of two cities, the capital Ahmedabad (Amadauar), which was compared to Cairo, and the giant seaport of Cambay (Cambaiette), the list of the various merchandise, which had come to and had gone from the port, the portrayal of the thriving brokers, who had enjoyed a great authority. Federici also told about the brisk opium trade in Cambay, in which he had participated actively. Federici had visited the seaport at the time of famine. He had underlined the contrast between the bustling trade in the city and the terrific misery among its poor inhabitants, who had to sell their children to the Portuguese traders. Federici's narration on Gujarat had a sufficient history-writing element. The merchant briefly mentioned the murder of the last "legitimate king" of the state Bahadur Shah (Sultan Badu), the consequent feudal strife between the "tyrants", and finally the Mughal conquest. Federici supposed, it had been the usurpation and political fragmentation that had determined the decline and fall of the once mighty Sultanate. The Portuguese orientalist narrative partly influenced the merchant's description.

In general, for Federici, the Gujarat Sultanate was one of the richest kingdoms of India. Even in the time of famine and political instability, its main seaport was an emporium of great significance. The merchant relatively precisely described the disintegration process in the Sultanate (Refs 21).

Keywords: Cesare Federici, Gujarat Sultanate, Mughal Empire, Spice trade, Republic of Venice, orientalism, Early Modern Voyages

Гуджаратский султанат, находившийся под властью династии Музаффаридов (1407–1573), представлял собой одно из наиболее значимых в мировой торговле государств Индии позднего Средневековья. Этому способствовали, помимо удачного географического положения, богатые традиции ремесла и торговли, восходящие в этом регионе к древнейшим страницам истории южноазиатской цивилизации. Расцвет Гуджаратского султаната пришелся на время правления Абу-л Фатх Махмуда (Махмуд Бегара, 1458–1511), при котором Гуджарат превратился в «мастерскую Индии» [Алаев, 2003: 147]. Блестяще информированный португальский аптекарь Томе Пиреш (Пириш) в трактате «Сумма [представлений о] Востоке, в которой рассказано о [землях] от Красного моря до Китая» (1515) [Новакова и др., 2017: 7; *The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944] так характеризовал роль гуджаратцев в торговле Малакки:

Камбейские купцы делают Малакку главным центром своей торговли. В Малакке находилась тысяча гуджаратских купцов, помимо четырех или пяти тысяч моряков, приходивших в город и покидавших его. Малакка не может жить без Камбея, как и Камбей — без Малакки, если они стремятся поддерживать свое богатство и процветание [*The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944, vol. 1: 45; vol. 2: 369].

Как подчеркивает Ом Пракаш, именно Гуджарат был важнейшим торговым регионом Южной Азии, а гуджаратские торговцы — большей частью мусульмане, но также и представители индуистских торговых каст — за XV в. стали, по-видимому, самым большим сообществом купцов, вовлеченным в торговлю во всей акватории Индийского океана [Prakash 1998: 14]. Захват португальцами в следующем столетии контроля над опорными пунктами морской торговли в Южной и отчасти Юго-Восточной Азии не лишил гуджаратских купцов этого статуса. В XVI в. объем гуджаратской торговли, основу которой составляли производимые в огромных количествах ткани, достигал примерно 40% всей торговли Индийского океана [Хазанов, 2003: 234–235].

На заре эпохи Великих географических открытий португальцы отмечали особую информированность купцов и мореходов из Венецианской республики о восточных делах, в том числе о торговле в Индии, или в Индиях, и, начиная с принца Энрике Мореплавателя (1394–1460), рассматривали свидетельства венецианских путешественников как ценный материал для своих заморских экспедиций. В первой половине XVI в. ситуация стала иной: после открытия морского пути в Индию и начала бурной колониальной экспансии Португалии в Азии среди трансконтинентальных колониальных империй Республике Св. Марка не нашлось места, хотя она долгое время оставалась серьезным конкурентом Португалии в торговле пряностями. Теперь уже венецианские купцы останавливались в португальских Гоа и Малакке. Европейский дискурс о Востоке теперь определяли не венецианцы, а португальцы. Непосредственный интеллектуальный контакт между европейцами и индийцами стал возможен только после формирования комплекса португальских колоний с центром в Гоа, составлявших *Estado da Índia* [Ванина, 2011: 38]. Для реконструкции представлений европейцев XVI в. о Гуджаратском султанате большую значимость

имеют нарративные источники, написанные западными авторами, не бывшими подданными португальской короны, которые не ставили задач прославления колониального могущества Португалии и выступали в известном роде наблюдателями «со стороны». Одним из таких ярких европейских авторов-непортугальцев был купец из Венецианской республики Чезаре Федеричи (он же — Чезаре деи Федричи, ок. 1521–1601), время путешествия которого пришлось на последние годы существования Гуджаратского султаната.

В 1587 г. в Венеции был опубликован травелог Федеричи под названием: «Путешествие мессера Чезаре деи Федричи в Восточную Индию и за пределы Индии, в коем содержатся занимательные явления обрядов и обычаев тех стран, а также описываются пряности, снадобья, драгоценные камни и жемчуга, что из них вывозятся; с некоторыми полезнейшими предупреждениями тем, кто бы пожелал совершить такое путешествие» (“*Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell’India Orientale & oltra l’India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi, Et insieme si descrivono le spetiarie, droghe, gioie et perle che d’essi si cavano. Con alcuni avvertimenti utilissimi a quelli che tal viaggio volessero fare*”) [Federici 1587]. В этом сочинении, представляющем собой одновременно травелог и отчасти справочник по городам Южной и Юго-Восточной Азии, содержатся сведения о торговле и повседневной жизни ряда государств Востока — от Османской империи до державы Виджаянагар и бирманского государства династии Таунгу. Значительное место в труде Федеричи занял и Гуджаратский султанат, названный в нем Камбейским Королевством (*Regno di Cambaia*).

Несмотря на сравнительно широкую известность отчета Федеричи и большую его популярность в Европе еще при жизни самого автора, исследований, посвященных ему, в целом немного, по-видимому, в силу того, что его травелог находится в тени близких ему по времени португальских сочинений различных жанров по Южной Азии. Критическое издание травелогов Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби под редакцией Ольги Пинто, снабженное подробными комментариями, вышло в 1962 г. [Viaggi di C. Federici... 1962]. Х.-П. Рубьес, отдельно исследуя рассказ Федеричи о поражении индуистской империи Виджаянагар при Таликоте в 1565 г. и сопоставляя его труд со свидетельствами других европейцев о Южной Азии, отмечает большую ценность сообщений венецианца, преимущественно отражающих точку зрения многих подданных этого государства, а также утверждает, что отчет Федеричи в тех частях, где автор давал экскурсы в прошлое посещенных стран и городов, был проникнут идеей историчности [Rubiés 2000: 304–306]. М. Пирсон в исследовании Гуджарата XVI в. указывает на Чезаре Федеричи как на одного из европейских авторов, формировавших и поддерживавших представление о Гуджарате как о сказочно богатой стране [Pearson 1976: 108]. Отчет купца Федеричи также интересен своим вниманием к деталям социально-экономического характера, в частности, и по реалиям Гуджарата второй половины XVI в. что также отмечалось в историографии [История Индии в средние века 1968: 290]. Однако, насколько нам известно, пока не предпринимались исследования очерка Гуджарата у Федеричи как отражения

взгляда на Индию венецианского купца на Востоке, представителя иной по отношению как к индуистам и мусульманам, так и по отношению к португальцам среды и как сложного образа в рамках краткого, но многожанрового произведения.

Подобному ракурсу наилучшим образом отвечает историко-антропологический подход с его акцентом на опыте человека в истории и социуме как индивида и представителя определенной группы, и, в частности, антропология путешествия. По словам А. В. Головнёва, «путешествие — это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преображений, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях» [Головнёв, 2016: 15].

Сохранившиеся в источниках сведения о жизни и торговых предприятиях купца Чезаре Федеричи весьма фрагментарны и позволяют реконструировать его биографию лишь частично. Федеричи, сын Джироламо, был уроженцем Эрбано (в наши дни — Эрбанно) в Валь-Камонике, которая была аннексирована Венецианской республикой почти за сто лет до его рождения, в 1427 г. К началу своих странствий по Азии Федеричи, несомненно, имел немалый торговый опыт [Viaggi di C. Federici... 1962: XXII]. В 1563 г. Федеричи, будучи весьма зрелым человеком, вложил в разные товары 1200 дукатов и, по собственному признанию, «охваченный желанием увидеть страны Леванта» [Federici 1587: 1], отбыл на корабле «Граденига» из Венеции на Кипр, колонию Венецианской республики, откуда затем отправился в Триполи в османской Сирии (в наши дни — территория Ливана), а после болезни и потери товара из-за разграбления каравана поехал в Индию. Само решение о поездке из османских владений далее в страны Индий, как тогда именовались в Европе обобщенно страны Южной и Юго-Восточной Азии, было для Федеричи, по его же утверждению, вынужденным. В заключительной части своего травелога, обращаясь к обстоятельствам начала своего путешествия по Востоку, Федеричи сообщал, кто, когда он находился в сирийском Триполи, он серьезно заболел в доме некоего мессера Регуло дельи Ораци (Regulo de gli Oratij) [Tucci 1995]. Далее купец рассказывал:

«Упомянутый мессер Регуло по моему распоряжению отправил мой товар с маленьким караваном, что шел в Алеппо. Караван был ограблен, и весь мой товар был потерян, кроме четырех сундуков разного стекла, что мне стоили семидесяти дукатов и которые я потом нашел взломанными, а в них нашел множество битого стекла, потому что разбойники (ladri), думая, что там в сосудах другой товар, и чтобы его достать, стеклянные изделия перебили, но, обнаружив, что там лишь стекло, оставили груз» [Federici 1587: 168].

По мнению О. Пинто, речь здесь шла о муранском стекле [Viaggi di C. Federici 1962: 66]. Высококачественные изделия из него пользовались в Османской империи большим спросом. Эти потери вынудили купца отправиться торговать дальше, следуя по обширным сирийским и иракским владениям Османской империи к Ормузу, контролируемому португальцами, а далее — в Индию. Это скорее типичная, нежели исключительная ситуация для множества других купцов позднего Средневековья

и раннего Нового времени, отправлявшихся в столь дальний и рискованный, хотя и сулящий баснословные выгоды путь в Южную Азию.

Главным мотивом путешествия Федеричи, скорее всего, было получение прибыли, которую сулило участие в восточной торговле, однако, судя по подробному описанию им многих деталей повседневной жизни разных стран Востока, здоровая любознательность и вправду не оставляла венецианца. Восемнадцать лет (1563–1581) он провел в разных странах Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Редактором воспоминаний Федеричи о его путешествиях выступил по просьбе самого купца брат Бартоломео Диониджи да Фано, но его вмешательство в формирование окончательного текста книги, по-видимому, было ограниченным и сводилось к некоторым морализаторским пассажам, включая рассуждение о долге честного купца в конце сочинения, и изъятию из текста ряда «непристойных» сюжетов [Rubiés 2000: 306]. Вероятно, редактор-церковник также усилил имевшийся в тексте акцент на осуждение индуистских религиозных обычаев. В жанровом отношении получившаяся книга, по словам У. Туччи, сочетала рассказ о путешествии и географический очерк, равновесие между которыми, впрочем, автору не всегда удавалось соблюсти [Tucchi 1995]. Кроме того, неоднородны в жанровом отношении и главы труда. Обычно отдельные главы травелога, которые обычно названы по посещенным им городам, регионам и островам, включали в себя маршрутное описание (с указанием, какое расстояние отделяло один населенный пункт или географический объект от других), личные воспоминания автора и описание собственно города, его облика, достопримечательностей, товаров и обычаев жителей. В ряде случаев, когда описание было особенно детализированным, рассказ о городе, острове или местности включал также элемент историописания, сводившийся обычно к экскурсу в недавнюю историю, как это было, в частности, с Виджаянагаром и Шри-Ланкой.

Травелог Федеричи, написанный простым и ясным стилем, быстро завоевал популярность как в Венеции, так и за ее пределами. Уже в 1588 г. вышел английский перевод труда Федеричи. Вскоре Ричард Хаклюйт во втором издании своих «Главных плаваний, путешествий и открытий английской нации» (1598–1600) издал отчет лондонского купца и участника миссии Елизаветы I к могольскому падишаху Акбару (1556–1605) Ральфа Фитча о его путешествии по Южной и Юго-Восточной Азии. Этот труд содержал множество заимствований из травелога Федеричи [Fitch Ralph 1921: 8]. В самой Венеции в 1590 г. была опубликована книга соотечественника Федеричи Гаспаро Бальби «Путешествие в Восточные Индия Гаспаро Бальби, ювелира венецианского, в коем содержатся сведения, сколько он в упомянутом путешествии повидал на протяжении девяти лет, проведенных в нем с 1579 и до 1588 года. С сообщением о пошлинах, мерах и весах во всех городах, посещенных в том путешествии, и о правлении короля Пегу, и о войнах, которые он вел с другими королями — Авы и Сиона [Сиам]» (“Viaggio dell’Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. Con la

relatione de i datij, pesi, & misure di tutte le città di tal viaggio, & del gouerno del re del Pegu, & delle guerre fatte da lui con altri re d'Auuà & di Sion") [Balbi 1590]. Бальби побывал по торговым делам в ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии, в частности, в Бирме, как и Федеричи. Травелог Бальби изобиловал фрагментами, взятыми из сочинения Федеричи с небольшими изменениями, и обычно относившимся к разделам по Ближнему Востоку и Южной Азии. По хлесткому выражению Я. Шарпантье, Бальби «обобрал своего предшественника самым бесстыдным образом» [Charpentier 1920: 157]. Х.-П. Рубьес полагает, что причина распространенного копирования *post factum* чужих сведений даже бывальыми путешественниками, вроде Бальби и Фитча, в чьем пребывании в описанных ими городах и странах не приходится сомневаться, лежала в целеполагании самого жанра купеческого маршрутного описания той эпохи: совпадение сведений подтверждало для читателей-современников достоверность отчетов, главной задачей авторов которых было донесение информации, а вовсе не создание оригинального текста [Rubiés 2000: 105].

В индийских сюжетах отчета венецианский купец уделял внимание, в первую очередь, торговым путям и товарам, однако несколько раз сопровождал описание той или иной территории экскурсами в ее недавнее прошлое. Следуя давно устоявшейся в европейской описательной географии схеме, Федеричи делил жителей Востока по религиозному принципу на «мавров» (*Mori*, мусульман), и «язычников» (*Gentili*) — индуистов, буддистов и вообще всех последователей неавраамических религий. Вероучения и индуизма, и ислама, по-видимому, венецианца не интересовали, однако о вероисповедании правителей упомянутых им государств и городов купец обычно сообщал. У Федеричи стандартное наименование любых мусульман — это «мавры», что довольно обычно для его эпохи. Выдающийся венецианский хронист первой половины XV в. Антонио Морозини в своем грандиозном сочинении употреблял по отношению к любым мусульманам как термин «мавры» (*mori*), так и термин «сарацины» (*saraini*) [II Codice Morosini 2010, t. 2: 695, 698, 923]. В сообщении о захвате португальцами Сеуты (1415) в хронике Морозини говорилось о завоевании королем Португалии земель «мавров, народа неверного, сарацин» (*mori, zente infedel, saraini*) [II Codice Morosini 2010, t. 2: 690]. Во времена же, когда путешествовал Федеричи, экзоконфессоним «сарацины» продолжал бытовать в Европе, но использовался уже далеко не столь часто, как в Средние века. Чезаре Федеричи был настроен резко негативно по отношению к индуистскому «идолопоклонству» и прямо именовал такие обычаи, как сати, самосожжение вдов, «зверством» (*bestialità*). «В это время я, — сообщал Федеричи, — видел странные и зверские дела этого язычества: во-первых, принято у них сжигать мертвые тела знатных мужчин и женщин, а если умерший мужчина женат, жена обязана быть сожженной заживо с телом своего супруга...» [Federici 1587: 36].

Федеричи в травелог не всегда сообщал даты своего прибытия в определенный город и отъезда из него. В частности, неизвестны точные даты пребывания Чезаре Федеричи в Гуджаратском султанате, его главном порте Камбее (современный

Кхамбхат, штат Гуджарат) и столице Ахмадабаде. В первый раз в Гуджарате Федеричи побывал в начале своего путешествия в Индии, то есть в 1564 или, возможно, в 1565 г. [Viaggi di C. Federici... 1962: XXIV]. В другой раз Федеричи, после того, как вылечился от тяжелой болезни в Гоа и потерпел большие убытки, решил вложить средства в опиум (Anfione) в Камбее, который был крупнейшим центром торговли разными наркотическими средствами, и продать партию этого зелья в Пегу (Бирме), ведь оно там было в цене. Случилось это в 1570 г., когда Гоа безуспешно осаждало войско Диалкана (Dialcan), под которым Федеричи подразумевал султана Биджапура из династии Адил-шахов, искаженное наименование Адил-шахов в португальских источниках — это Hídalcao, Ydallcao, Idalcan и Idalxa, [Viaggi di C. Federici... 1962: 249]. Федеричи тогда уже во второй раз приехал в Бирму, после многих злоключений добрался до нее, надеясь получить огромную прибыль, но, к своему огромному разочарованию, не смог выгодно продать дорогой наркотик, поскольку буквально за день до венецианца в Пегу прибыло другое судно с огромным грузом опиума из Камбея, везшее его изначально в султанат Аче (Assi) на Суматре, но из-за шторма свернувшее в Пегу, из-за чего «снадобье» резко упало в цене [Federici 1587: 154–155]. После этого Федеричи вынужден был остаться в Бирме на два года. Примечательно, что опиум, которым изобиловал Камбей, вовсе не вызывал у Федеричи такого брезгливого отношения, как повсеместно распространенный в Южной и Юго-Восточной Азии бетель [Federici 1587: 51], вероятно, потому, что в торговле опиумом сам венецианец принял активное участие, хотя и не столь успешно, как бы ему хотелось. Пиреш подчеркивал, что в «Камбейском королевстве» (Regno de cambaia) сам султан предпочитал проводить большую часть времени со своим гаремом, употребляя опиум [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol. 1: 40; vol. 2: 366]. Чезаре Федеричи, в отличие от Пиреша, хотя и сообщал о столице султаната Ахмадабаде, ничего не говорил о дворцовом быте правителя.

Знакомство Федеричи с Южной Азией началось с португальских колоний, именно они стали своего рода точкой отчета в его описании Индии. За описанием Гоа и Диу в главе под названием «Гоа, Диу и Камбайя» следовал отдельный и обстоятельный рассказ о Гуджарате.

Гоа — главный город, которым располагают португальцы в Индии, где проживает вице-король со своим двором и королевскими министрами. А от Ормуза до Гоа — девятьсот девяносто миль пути, на коем пути первый город, который находится в Индии, зовется Диу и находится на маленьком острове Королевства Камбайи (Камбейского королевства), где есть лучшая крепость во всей Индии, и маленький, но очень оживленный город, поскольку здесь загружаются многие большие суда с различным товаром, направляющиеся в пролив Мекки и к острову Ормуз. Это — суда мавров и христиан, однако мавры не могут плавать в те моря без грамоты (cartasso), то есть лицензии вице-короля Португалии, иначе их суда будут конфискованы за контрабанду.

Приходят товары, которые загружаются на эти суда, из Камбайетте (Cambaiette) [Камбей], порта Камбайи, на маленьких судах или лодках, ведь там нет возможности

идти ни кораблям, ни сколько-нибудь крупным судам из-за того, что вода там очень мелкая. Это проход в сто восемьдесят миль вокруг залива и пролива, который они на своем языке называют «маккарео» (Massareo), потому что волны набегают здесь, превышая всякую меру, по сравнению с иными местами, за исключением Пегу, в котором есть другое маккарео, набегающее с еще большей силой. Королевский город зовется Амадавар (Amadauar) [Ахмадабад] и находится на расстоянии полутора дней пути по суше от Камбайетте, это большой и густонаселенный город, и для города язычников он очень добротен выстроен, с красивыми домами, улицами и широкими площадями со множеством лавок (botteghe). И он очень похож на Каир, но не столь велик. Камбайетте стоит над морем, и это очень красивый город, в коем я находился в пору бедственного голода. И я видел отцов и матерей из язычников, которые шли к португальцам, умоляя тех купить их сыновей и дочерей. И они их продавали им по шесть, восемь или десять ларинов за одного ребенка, а один ларин¹ (Larino), переводя в наши монеты, может цениться примерно в один [венцианский серебряный] мочениго (mosenigo). Учитывая все это, я бы не поверил, что там же ведется обширная и богатая торговля, если бы не видел ее сам. А каждое новолуние и каждое полнолуние — это время, когда приходят и уходят суда, поскольку в эти два момента поднимается вода, а в другое время вода настолько мелкая, что мореплавание становится невозможным. Приходят в очередное новолуние и полнолуние с подъемом воды многие малые суда, нагруженные всякими сортами специй, шелком из Китая, сандалом, слоновьими бивнями, деревом бразил (verzino), бархатом, большим количеством тканей, что приходят из Мекки, цехины в звонкой монете и разные другие товары. Уходят потом отсюда корабли с грузом почти несметного количества хлопчатобумажной ткани, разноцветные и в один цвет, с огромнейшим количеством индиго, имбиря, сушеного и засахаренного, алычи, сушеной и засахаренной, буры в виде пасты, с обилием сахара, большим количеством хлопка, огромным количеством опиума, ассафетиды, растения пукьо, турбитов и многих других разновидностей снадобий. В Диу обрабатывают крупные камни: сердолики, гранаты, агаты, яшмы, халцедоны, аметисты, а также некоторые виды натуральных алмазов.

В Камбайетте есть один обычай, к коему никто не принуждается силой, однако он соблюдается всеми португальскими купцами. Обычай этот таков. В этом городе есть некоторые торговые посредники из язычников (Sensari Gentili), пользующиеся огромным влиянием, каждый из которых имеет по пятнадцать — двадцать слуг. И купцы, которые давно ведут дело в этой стране, имеют своего посредника, который их обслуживает. А тем купцам, которые там еще не бывали, друзья сообщают об этом обычае и о том, услугами какого посредника им нужно будет пользоваться. Сейчас каждые пятнадцать дней (как я сказал об этом выше), когда в порт приходят флоты судов, подходят и эти посредники на берег. Сойдя на берег, купцы предоставляют свидетельства (polizze) обо всем своем товаре тому посреднику, чьи услуги они хотят получить, вместе со знаком на своих тюках и затем, после

¹ Серебряная монета весом 4,77 г [История Индии в средние века, 1968: 290].

выгрузки предметов быта, принадлежащих купцам (потому что по всей Индии нужно, чтобы купцы носили с собой самые необходимые предметы мебели, чтобы затем на каждом новом месте им можно было обустроить новый дом), посредник, который получил от них свидетельство, отдает распоряжение своим слугам, чтобы те погрузили эти предметы домашнего быта на несколько очень хрупких повозок, а, говоря купцу, чтобы тот отправился отдыхать, отправляет его в город, где у каждого посредника есть для заселения купцов разные пустые дома, чистые и отполированные, обставленные только лежанками, столами, стульями и сосудами с водой. Посредник со свидетельством остается на берегу, распоряжается выгрузить товары с корабля, уплачивает за него пошлину и приказывает привезти товары в дом, где разместился купец, который ничего не знает ни о пошлине, ни о понесенных расходах [Federici 1587: 15–20].

Венецианец скрупулезно перечислил стекающиеся в порт Камбея: пряности всех видов, китайский шелк, сандал, слоновую кость, разнообразные ткани (особенно — хлопковые различных сортов), камни и многие другие предметы из Индии и со всей Азии. Особое внимание Федеричи уделил торговым посредникам, принадлежавших к индуистским торговым кастам, констатировав, что, сойдя на берег, купец из, казалось бы, владычествовавшей на море Португалии, оказывался почти полностью ведомым ими в своих делах. Далее Федеричи отмечал, что, когда товары прибывшего в город купца доставлялись в город, посредник тут же спрашивал его, собирается ли он продать их по текущей цене, и, если тот соглашался, тут же сообщал ему расклад по товарам и ценам. Купец также мог вложить вырученные деньги в иной товар, также под деятельной опекой посредника-индуса [Federici 1587: 20–21]. Федеричи продолжал:

И, если у него добро на двадцать тысяч дукатов, все оказывается распродано в течение пятнадцати дней без всяких беспокойств и забот. Если же купец не собирается продавать товары по той цене, он может ждать, сколько ему захочется, но товар не может быть продан через какие-либо другие руки, помимо того посредника, который уплатил за него пошлину. И иногда, ожидая время для продажи, он получает прибыль, а порой — терпит убыток. Однако в основном для тех видов товаров, которые не прибывают каждые пятнадцать дней, ожидание оказывается намного выгоднее.

Небольшие суда, что уходят из этого порта загруженными, приходят в Диу для загрузки товаров на корабли, которые затем оттуда идут в Мекку и в Ормуз, а часть отправляется в Чаул и Гоа, всегда — в сопровождении кораблей военного флота португальцев, принимая во внимание множество корсаров, которые бороздят море и грабят по всему тому побережью Индии. Из-за страха перед ними плавание там небезопасно, если оно не сопровождается хорошо вооруженными кораблями или португальской армадой [Federici 1587: 21–22].

Посредническая функция гуджаратских банья, торговцев и ростовщиков, согласно традиции, включает в себя большую долю «нечистоты», что проявилось в популярном в Индии выражении: «Если банья хочет процветать, он должен

постоянно врать» [Успенская, 2010: 436]. Однако в травелоге Федеричи торговые посредники между иноземными купцами и торговой средой Камбея не наделяются характеристиками лжецов и плутов, гораздых обобрать иностранца. Федеричи лишь констатировал полную зависимость приезжих торговцев на месте от посредников, которые, разумеется, ревностно держались за этот статус.

Описание владений и торговых ресурсов Гуджаратского султаната у другого венецианского купца, побывавшего в Индии за полтора века до Чезаре Федеричи, заметно отличалось от рассказа Федеричи в основных акцентах и было куда лапидарнее. Путешественник из Венецианской республики Никколо деи Конти (он же Николо Конти, ок. 1395–1469) бывал в Камбее (Combahita, Cambaita) и несколько раз упоминал его в своем знаменитом отчете 1439 г. о странствиях по Ближнему Востоку, Южной и Юго-Восточной Азии, записанном папским секретарем и гуманистом Поджо Браччолини [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 126–148]. Камбей был назван «благородным городом», путешественник отмечал наличие в нем обычая самосожжения вдов, а его окрестностях — обилие камня сардоникса [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 128]. Поджо Браччолини так излагал краткое сообщение Конти о товарах Камбея в маршрутном описании его странствия: «Оставив его [Каликут], он [Никколо — Д. В.] в течение пятнадцати дней, двигаясь на запад, достиг города Камбаиты, находящегося у моря и насчитывающего в окружности двенадцать миль, богатого нардом, лаком, индиго, алычой и множеством шелковых тканей» [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 138]. Путешественник упоминал в Камбее «племя жрецов» бахали (Bachali), практиковавших вегетарианство и самосожжение вдов [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 138]. Как значимая характеристика города в отчете Конти фигурировали аскетические подвиги в форме умерщвления плоти и самоубийства [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 144]. Однако сведений о политической истории или государственном устройстве Гуджарата Конти не оставил.

События политической истории Гуджаратского султаната нашли отражение в отчете Федеричи. Последний значительный правитель этого государства султан Бахадур-шах (1526–1535 и 1536–1537), оказывавший сопротивление португальской экспансии, был вынужден в условиях угрозы со стороны другой экспансионистской силы — молодой державы Великих Моголов — пойти на союз с Португалией. В рамках этого союза Бахадур предоставил португальцам в качестве базы стратегически важный остров Диу, на котором в 1536 г. они завершили строительство форта [Хазанов, 2014: 51–52]. В итоге Бахадур-шах, убедившись в пагубности союза с португальцами, которые после установления контроля над Диу стали действовать в Южной Азии еще более бесцеремонно, попытался заключить соглашение с Османской империей против португальцев, но те заманили султана на очередных переговорах в западню, где он и был убит в 1537 г. По поводу обстоятельств его гибели данные источников расходятся. В официальной могольской хронике «Акбар-наме», написанной одним из ближайших сподвижников Акбара Абу-л Фазлом, к примеру, сообщалось, что в ходе завязавшейся стычки на борту

португальского судна Бахадур-шах сам бросился в море и утонул [The Akbar Nama of Abu-l-Fazl 1907: 323]. В том же источнике говорилось об обилии различных слухов о том, что Бахадур-шаху удалось чудом уцелеть и бежать от португальцев, после чего якобы его бывший наставник смог опознать своего государя [The Akbar Nama of Abu-l-Fazl 1907: 324].

Чезаре Федеричи бегло и уклончиво сообщил об убийстве Бахадур-шаха (Sultan Badu), не называя обстоятельств его смерти. Федеричи именовал султана не мусульманином, а «язычником». Возможно, здесь слово «язычник» использовано скорее в уничижительном, чем в описательном смысле, поскольку Бахадур-шах оказался для португальцев вовсе не тем сговорчивым «партнером», которого они хотели в нем найти. Томе Пиреш же подчеркивал, что «Камбейское королевство» управлялось мусульманами-завоевателями, которым были подвластны многочисленные «язычники» [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol 1: 39–40; vol. 2: 364–365]. Характерно, что про последних Пиреш в том же описании Гуджаратского султаната транслировал распространенное среди португальцев поверье, что индусы в прошлом были христианами, но из-за мусульманских захватчиков постепенно утратили веру, а в качестве доказательства якобы былого христианства «язычников» Пиреш приводил их веру в Богоматерь (вероятно, богиня Лакшми) и в Святую Троицу (вероятно, Тримурти) [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol 1: 39–40; vol. 2: 364–365]. Согласно рассказу Федеричи, после гибели у Диу последнего легитимного султана Гуджарата в государстве настал период распада и смуты:

В целом, Королевство Камбейское — место великой торговли и ведения дел со всем миром, которое с некоторого времени находится в руках тиранов. Поскольку шестьдесят пять лет назад во время одного дела на Диу был убит его истинный король языческий (*vero Re Gentile*) по имени Султан Баду, четверо или пятеро его капитанов поделили королевство между собой, и каждый тиранствовал (*tirannegiava*) в своей части. Но двенадцать лет назад Великий Могол, мавританский король Агры и Дели (*il gran Magol Re Moro d'Aggra e del Deli*), что в сорока днях пути от Амадауара, захватил все Камбейское королевство без какого-либо сопротивления. Поскольку он вторгся с очень сильным и многочисленным войском и нашел королевство разделенным, не было никого, кто ему бы противостоял, но все сразу же подчинились ему, а эти люди — тираны зверского нрава [Federici 1587: 22–23].

Ошибаясь в датах, венецианец все же достаточно точно описал ситуацию политического распада Гуджаратского султаната. В 1573 г. Гуджарат, бывший ареной непрекращающихся междоусобных войн между наместниками с участием португальцев и абиссинских гвардейцев, вошел в состав империи Великих Моголов [История Индии в средние века, 1968: 281]. Чезаре Федеричи видел в утрате государством законного правителя залог его скорого распада, и слово «тиран» в его отчете имеет классический смысл «узурпатор». Рассказывая о последующем захвате Моголами Бенгалии в главе «Орисса и река Ганг», Федеричи именовал Акбара «тираном» и «Великим Моголом, королем Агры, Дели и всей Камбайи» (*grande Magol Re*

d'Agra, del Deli, e tutta Cambaia) [Federici 1587: 89]. Титул правителя дополнялся по мере его завоеваний. Падишах Акбар назван в травелогге тираном, поскольку для Гуджаратского султаната и Бенгалии он был завоевателем. Именно узурпацией верховной власти и тем, что в наши дни назвали бы кризисом легитимности, Федеричи объяснял также утрату империей Виджаянагар своего могущества [Federici 1587: 33–34]. Хотя Могольская империя не получила отдельного описания в травелогге Федеричи, присутствие этой молодой грозной силы, быстро покорявшей огромные и еще недавно могущественные государства, было ощутимо во многих его разделах.

Завершалось отдельное описание венецианцем Гуджаратского султаната рассказом о его личных наблюдениях в Камбее:

Пока я жил в Камбайетте, я видел нечто, что меня очень удивило: там было почти несметное множество мастеров, которые постоянно изготавливают [браслеты] манини (*manini*) из слоновой кости, окрашенные в разные цвета, для женщин-язычниц, у которых все руки в этих браслетах. И на них каждый год тратятся многие тысячи монет (*scudi*). А причина в том, что, когда у них умирает кто-то из родственников, согласно обычаю, женщины в знак скорби ломают все браслеты на своих руках, а потом немедленно покупают себе другие, потому что они скорее останутся без еды, чем без манини [Federici 1587: 23–24].

Используемое Федеричи слово для обозначения индийских браслетов восходило к португальскому слову *manilha*, «браслет» [Viaggi di C. Federici... 1962: 243]. Описание Федеричи выдержано вполне рационалистически. «Чудеса Индии» (*Mirabilia Indiae*), образ западной культуры, восходящий к античности, претерпел глубокие трансформации, что вполне наглядно видно на примере отчета венецианского купца второй половины XVI в. Если для средневекового человека Индия была страной баснословных чудес и фантастических явлений, то для купца XVI в. удивления достойны были не фантомы, а такие вполне материальные объекты, как искусно сделанные вещи, а также масштабы их участия в торговом обороте. Впрочем, мифологема об Индии как о стране несметных богатств сохранялась. Из абстракции она все более обретала черты представления о регионе ойкумены, где можно было за короткий срок сказочно обогатиться.

В целом, Чезаре Федеричи видел в «Камбейском королевстве» одно из богатейших государств Азии, главный порт которого даже в пору политической смуты и голода оставался важным центром торговли и ремесла. Купец довольно точно описал ситуацию распада султаната. Характерным симптомом слабости центральной власти в Гуджарате было постоянное курсирование у его побережья различных пиратских флотов. Захватившие Гуджарат Великие Моголы не занимали значительного места в рассказах путешественника, однако для него была очевидна их растущая мощь. Купец нередко следовал португальским схемам описания и заимствовал терминологию, использовавшуюся его португальскими собеседниками и партнерами. В Гуджарате Федеричи уделил куда больше внимания широко открытому мировой торговле Камбею, нежели столичному Ахмадабаду. Сравнение

Ахмадабада с османским Каиром — одно из свидетельств того, что Османская империя, через владения которой Федеричи следовал в Индию и из Индии, оставалась для него конституирующим Другим на Востоке, каковым она была и для самой Венецианской республики. «Камбайя» Федеричи не исчерпывалась картинами богатств и нищеты. Превратности судьбы купец в полной мере испытал и на себе, сталкиваясь в дальних краях с ограблениями, разорением и недугами. Судьба Гуджаратского султаната, который Чезаре Федеричи застал в последние годы существования, в травелогe наглядно иллюстрировала идею брэнности любого земного процветания и могущества.

Список литературы

1. *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. — СПб.: Алетейя, 2003. — 304 с.
2. *Ванина Е. Ю.* «Просвещенные философы» и «сотоварищи Иисуса»: первый контакт интеллектуальных сообществ Индии и Запада // Диалог со временем. — 2011. — Вып. 36. — С. 35–59.
3. *Головнёв А. В.* Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 2 (51). — С. 6–16.
4. История Индии в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. — М.: Наука, 1968. — 726 с.
5. *Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю.* Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. — № 3 (41). — С. 5–20.
6. *Успенская Е. Н.* Антропология индийской касты. — СПб.: Наука, 2010. — 558 с.
7. *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). — М.: РАН-Университет, 2003. — 320 с.
8. *Хазанов А. М.* Португальская колониальная империя, 1415–1974. — М.: Вече, 2014. — 381 с.
9. *Balbi G.* Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliere venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. — Venetia: Appresso Camillo Borgominieri, 1590. — 318 p.
10. *Charpentier J.* Cesare di Federici and Gasparo Balbi // Geografiska Annaler. — 1920. — Vol. 2. — P. 146–161.
11. *Federici C.* Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltre l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi. — Venetia: Andrea Muschio, 1587. — 174 p.

12. Fitch Ralph (1583–1591) // *Early Travels in India 1583–1619* / Ed. by W. Foster. — L.: Oxford University Press, 1921. — P. 1–47.
13. *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433)* / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. — Spoleto: Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo, 2010. — T. 1–4. — lxi, 2274 p.
14. *Pearson M.N. Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century.* — Berkeley, University of California Press, 1976. — xi, 178 p.
15. *Poggii Bracciolini Florentini. Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* — Paris: Constelier, 1723. — 294 p.
16. *Prakash O. The New Cambridge History of India, Vol. II. 5: European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — xviii, 377 p.
17. *Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 472 p.
18. *The Akbar Nama of Abu-l-Fazl* / Transl. by H. Beveridge. — Vol. I. — Calcutta: Asiatic Society, 1907. — 667 p.
19. *The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515* / Transl. from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris, and ed. by Armando Cortesão. — In 2 Vols. — L.: The Hakluyt Society, 1944. — xcvi, 578 p.
20. *Tucci U. Federici, Cesare* // *Dizionario Biografico degli Italiani.* — 1995. — Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 13.10.2021).
21. *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali* / A cura di Olga Pinto. — Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. — 437 p.

References

1. Alaev L.B. *Medieval India.* St, Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 304 p. (In Russian).
2. Alaev L. B., Antonova K. A., Ashrafian K. Z. (eds.). *Medieval History of India.* Moscow, Nauka Publ., 1968. 726 p. (In Russian).
3. Beveridge H. (transl.). *The Akbar Nama of Abu-l-Fazl.* Vol. I. Calcutta, Asiatic Society Publ., 1907. 667 p.
4. Balbi G. *Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliere venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni*

- consumati in esso dal 1579. fino al 1588.* Venice, Appresso Camillo Borgominieri Publ., 1590. 318 p. (In Italian).
5. Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi. *Geografiska Annaler*, 1920. vol. 2, pp. 146–161.
 6. Cortesão A. (ed., transl.). *The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515.* In 2 Vols. London, The Hakluyt Society, 1944. (In Portuguese).
 7. Federici C. *Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltra l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi.* Venice, Andrea Muschio Publ., 1587. 174 p. (In Italian).
 8. Foster W. (ed.). Fitch Ralph (1583–1591). *Early Travels in India 1583–1619.* London, Oxford University Press, 1921, pp. 1–47.
 9. Golovnev A. V. Anthropology of Travel: from Imago Mundi to Selfie. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (In Russian).
 10. Khazanov A. M. *Portugal and the Muslim World (15th-16th Centuries).* Moscow, RAU-Universitet Publ., 2003. 320 p. (In Russian).
 11. Khazanov A. M. *Portuguese Colonial Empire, 1415–1974.* Moscow, Veche Publ., 2014. 381 p. (In Russian).
 12. Nanetti A. (ed.). *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433).* Spoleto, Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo Publ., 2010. In 4 Vols. lxi, 2274 p. (In Italian).
 13. Novakova O. V., Simonova-Gudzenko E. K., Ulyanov M. Yu. The role of the first European scholars and Christian missionaries in distributing modern knowledge in Eastern Asia in the XVI–XVII century (the case of Indonesia, Japan and Vietnam). *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2017, no. 3, pp. 5–20. (In Russian).
 14. Pearson M. N. *Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century.* Berkeley, University of California Press, 1976. xi, 178 p.
 15. Poggii Bracciolini Florentini. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* Paris, Constelier Publ., 1723. 294 p. (In Latin).
 16. Pinto O. (Ed.). *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali.* Rome, Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. 437 p. (In Italian).
 17. Prakash O. *The New Cambridge History of India*, vol. II. 5: European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. xviii, 377 p.

18. Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 472 p.
19. Tucci U. Federici, Cesare. *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1995. Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 13.10.2021). (In Italian).
20. Uspenskaia E.N. *Anthropology of Indian Caste*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 558 p. (In Russian).
21. Vanina E. Iu. ‘Enlightened philosophers’ and the ‘companions of Jesus’: the first contact between intellectual communities of India and of the West. *Dialog so vremenem*. 2011, iss. 36, pp. 35–59. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрий Викторович Возчиков — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ, Екатеринбург).

Email: catullus89@mail.ru

Author's Information

Dmitry V. Vozchikov - PhD in History, Associate Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg.

Email: catullus89@mail.ru